

управлял мною без верного совета разума, в тех случаях, когда совету этому было полезно внимать. И так как рассказ о чувствах и поступках столь юных лет может некоторым показаться баснословным, я удаляюсь от этого предмета, оставив в стороне многое, что можно было извлечь из книги, откуда я заимствовал то, о чем повествую, и обращаюсь к словам, записанным в моей памяти под более важными главами.

III.

Когда миновало столько времени, что исполнилось ровно девять лет после упомянутого явления Благороднейшей, в последний из этих двух дней случилось, что чудотворная госпожа предстала предо мной облаченная в одежды ослепительно белого цвета среди двух дам, старших ее годами. Проходя, она обратила очи в ту сторону, где я пребывал в смущении, и по своей неслезанной куртуазности, которая ныне награждена в великом веке, она столь доброжелательно приветствовала меня, что мне казалось – я вижу все грани блаженства. Час, когда я услышал ее сладостное приветствие, был точно девятым этого дня. И так как впервые слова ее прозвучали, чтобы достигнуть моих ушей, я преисполнился такой радости, что, как опьяненный, удалился от людей; уединясь в одной из моих комнат, я предался мыслям о куртуазнейшей госпоже. Когда я думал о ней, меня объял сладостный сон, в котором мне явилось чудесное видение. Мне казалось, что в комнате моей я вижу облако цвета огня и в нем различаю обличье некоего повелителя, устрашающего взоры тех, кто на него смотрит. Но такой, каким он был, повелитель излучал великую радость, вызывавшую восхищение. Он говорил о многом, но мне понятны были лишь некоторые слова; среди них я разобрал следующие: «*Esse dominus tuus*». В его объятиях, казалось мне, я видел даму, которая спала нагая, лишь слегка повитая кроваво-красным покрывалом. Взглянув пристально, я в ней узнал госпожу спасительного приветствия, соизволившую приветствовать меня днем. И в одной из рук своих, казалось мне, Амор держал нечто объятое пламенем, и мне казалось, что он произнес следующие слова: «*Vide cor tuum*». Оставаясь недолго, он, казалось мне, разбудил спящую и прилагал все силы свои, дабы она ела то, что пылало в его руке; и она вкушала боязливо. После этого, пробыв недолго со мной, радость Амора претворилась в горькие рыдания; рыдая, он заключил в свои объятия госпожу и с нею – чудилось мне – стал возноситься на небо. Я почувствовал внезапно такую боль, что слабый мой сон прервался и я проснулся. Тогда я начал размышлять о виденном и установил, что час, когда это видение мне предстало, был четвертым часом ночи: отсюда ясно, что он был первым из последних девяти ночных часов. Я размышлял над тем, что мне явилось, и наконец решился поведать об этом многим из числа тех, кто были в это время известными слагателями стихов. И так как я сам испробовал свои силы в искусстве складывать рифмованные строки, я решился сочинить сонет, в котором приветствовал бы всех верных Амору, прося их высказать то, что думают они о моем видении. И я написал им о сне. Тогда я приступил к сонету, начинающемуся: «Влюбленным душам...»

Влюбленным душам посвящу сказанье,
Дабы достойный получить ответ.
В Аморе, господине их, – привет! –
4 Всем благородным душам шлю посланье.
На небе звезд не меркнуло сиянье,
И не коснулась ночь предельных мет –
Амор явился. Не забыть мне, нет,
8 Тот страх и трепет, то очарованье!
Мое, ликуя, сердце он держал.
В его объятиях дама почивала,
11 Чуть скрыта легкой тканью покрывал.
И, пробудив, Амор ее питал
Кровавым сердцем, что в ночи пылало,
14 Но, уходя, мой господин рыдал.